

Василий Болотских

Повороты судьбы

Жизнь ветерана СССР

Василий Болотских

Повороты судьбы

<https://litres.ru/74475894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь ветерана (записки пограничника).

Мой отец, Болотских Василий Владимирович, прожил трудную, но достойную жизнь. Он участвовал в Финской и Великой Отечественной войнах, был награждён орденами - Красной Звезды, Отечественной войны II степени, За мужество, медалями За боевые заслуги, За отличие в охране государственной границы СССР и др. Его воспоминания, думаю, будут многим интересны.

Содержание

Глава 1. Детство	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Василий Болотских

Повороты судьбы

Глава 1. Детство

Родился я 1 января 1919 года. Астрологи считают, что каждый из нас, можете верить этому или нет - находится под влиянием небесных светил. Они утверждают, в частности, что все, кто родился в период с 22 декабря по 20 января находятся под влиянием звёздной системы "Козерог". Гороскоп свидетельствует, что люди, родившиеся под системой "Козерог", экстраординарны, стараются быть не похожими на других, гордые, оригинальные.

Если смотреть знаки гороскопа, то мне выпадает "Овен". Люди этого знака наделены, как утверждают астрологи, способностью в области изящных искусств. На первый взгляд у них всё складывается удачнее, чем у других. Однако, они часто застенчивы, склонны к пессимизму, беспомощны перед жизнью. Обычно они религиозны, нерешительны. Не отличаются красноречием, но всегда отстаивают свои убеждения. Рассудительны, мягки, доброжелательны. Скажу прямо, многое из этой характеристики в жизни моей подтвердилось.

Я родился в крестьянской семье. Отец мой, Владимир Давыдович, имел среднее крестьянское хозяйство. В 1930 году

вступил в колхоз, в котором занимал должность колхозного пчеловода. В гражданскую войну воевал на стороне "красных", был ранен. Во время Отечественной войны погиб на фронте. Похоронен в Херсонской области, в Ивановском районе в селе Первомайском, в братской могиле.

Моя мать, урожденная Семёнова Татьяна Кузьминична, была младшей в семье моего дедушки, Кузьмы Петровича, слывшего в селе порядочным и авторитетным человеком.

Родился я в селе Рогатике, Должанского района Орловской области. Рогатик - моя малая Родина, отчее село. Оно запомнилось мне утопающим в садах, окруженное колосящимися хлебом полями, уходящими за горизонт; куполом церкви, изумрудным ожерельем лесных массивов и рекою Кшень: тогда полноводной и рыбообильной.

Места эти были заселены ещё в XIII веке однодворцами. Это были не мужики и не дворяне, а служивые так называемой Засечной линии. Засечная линия - это система оборонительных сооружений, применявшаяся на Южных и Юго-восточных границах Русского государства для защиты от нападения татар. Так называемая Большая линия засек, построенная в 1566 году, протянулась от Рязани до Орла. Оборона засечной линии осуществлялась пограничной засечной стражей, состоящей из жителей, собираемых по одному человеку на 20 дворов и насчитывала до 35 тыс. ратных людей, дислоцированных в более 40 опорных пунктах, в том числе в таком, как город Мценск.

Кроме того, места наши заселялись внуками казнённых Петром I стрельцов. К тому времени они уже растеряли дворянские грамоты и прибыльно жили однодворцами на наших черноземах.

Однако ко времени моего рождения жители нашего села ничем не напоминали своих пращуров и жили бедно. Дома были крыты соломой, полы были земляными, печи топились не дровами, а соломой и навозом, который готовили в жаркое летнее время. Бани в нашем, да и в других сёлах не было и люди мылись редко, к Великим праздникам. В зимнее время, когда начинался период отелов, в избах размещали новорожденных телят, ягнят и свиней с поросятами. Два раза в сутки, утром и вечером, заводили в избу корову, кормили её и доили.

Однажды мы, группа ветеранов войны, отдыхая во дворе, стали рассказывать друг другу, кто где родился и провёл своё детство. Когда один из них услышал мой рассказ, он привел случай, свидетелем которого он стал во время войны, как пример бедности населения Орловской области.

Как-то, после жаркого боя, их роту вывели на непродолжительный отдых, расселив по избам одного из селений Ливенского района. Дело было зимой и вот утром рано, вводят в помещение корову. Она стояла в углу и смачно жевала свой тёплый корм и вдруг неожиданно стала мочиться, струя попала в кадушку с квасом, которая стояла позади.

И вот они слышат, как дочь говорит матери, хлопотавшей

у печи: "Мама, корова в квас написала". На что мать отвечает: "Ничего, отлей оттуда ковшика три, и дело с концом."

...В нашем селе каждый двор имел своё деревенское прозвище, нас почему-то называли Поляковыми. Мне кажется, что это прозвище происходило от далёкого нашего пращура, поляка по национальности, осевшего у нас после страшного поражения в 1608 году польских интервентов под водительством пана Лисовского. Из истории известно, что некоторые из поляков разбежались тогда по русским деревням и там осели. Мнение моё подтверждается тем, что во внешности нашего отца, его братьев и особенно сестры Насти просматриваются черты польского обличия. Кроме того, наша фамилия, по-моему, является искаженной, обрусевшей формой польской фамилии Блоцкий. Сначала её сделали как Блоцкий, потом заменили букву "ц" на "тс", а потом, подражая распространённой в Рогатике фамилии Смирных, стали писать и нашу фамилию как Болотских.

Память, как фонарь на ветру, выхватывает отдельные куски прожитой жизни, ведёт к тем, кто был рядом с тобой...

Мне вспоминается последнее письмо отца, присланное мне в армию перед началом войны. Это довольно пространное письмо стало для меня и программой и уставом моей жизни.

"Избегай покровительства,- писал он,- потому что это угнетает человека, делает его не свободным, зависимым."

"Остерегайся обидеть человека словом и делом, будь

немногословен, или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Умей терпеть нужду и не занимай денег, береги честь.

О людях суди не по тому, что они думают о тебе, а по тому, что они делают."

Отец имел семь детей: пять сыновей и две дочери. Из рассказов моих братьев мне известно, что отец наш любил представлять моих братьев и своих сыновей товарищам, приходивших к нему с поллитрой, когда качали мёд. Подвыпив, он выстраивал их по ранжиру и говорил: "Шурка у меня будет технарём, механиком". (Надо сказать, что механик, в его понимании, был человеком высшей квалификации). "Этот - интеллигенция". Сергея он причислял к интеллигенции видимо только потому, что тот был высок ростом, тощ, чёрные большие глаза его горели пламенем, а лицо было благородно. Петру он предсказал быть хозяином отчего дома, то есть заниматься крестьянством, а Алексея определил офицером. Что удивительно - предсказания его во многом сбылись.

Мать вспоминается мне в постоянной работе, в вечных хлопотах. Особенно тяжело ей приходилось в дни стирки. Трудность заключалась в том, что полоскать постиранное бельё надо было на ручье, внизу. Особенно трудно было полоскать зимой, в ледяной воде. Согнувшись над ручьём, она часами полоскала бельё. Помню, лицо её в это время багровело, нащипанное морозом... Пальцы не гнутся. из глаз текут слёзы. Наполоскав гору белья, согнувшись под тяжестью, она

тащила его вверх, к дому и дома, со стоном от боли, прикладывая свои красные потрескавшиеся руки к горячей печке.

Запомнился мне и такой случай. Мне было лет семь, когда в Рогатике случилось событие, имевшее, как сейчас говорят, большой резонанс. Справлял свою свадьбу наш сосед, Сергей Павлович Ревякин, первый парень на деревне, красавец и гармонист, почему-то долгое время не женившийся. И вот, наконец - свадьба... Мой отец и Сергей были друзьями, вместе ходили на вечеринки, где Сергей виртуозно играл на гармонике, а мой отец, не менее виртуозно - на балалайке. Теперь-то мне понятно, почему вдруг мать сказала мне: "Вася, ты бы сходил на свадьбу и посмотрел бы, хороша ли невеста". Сергей Петрович нравился многим девчатам, а у моей матери возможно даже были какие-то надежды на взаимность. Но - не сложилось и тогда матушка обратила внимание на отца, годы-то брали своё...

В ответ на просьбу матери я ответил, что там все будут хорошо одеты, а у меня даже ботинок нет. И тогда она вынимает из сундука свои ботинки, в которых ещё девушкой ходила на гулянье и на спевки церковного хора (до замужества она пела в церкви) и даёт их мне примерить. Ботинки мне понравились, я надел их и пошёл на свадьбу.

В доме соседа было шумно, весело, гости пели и плясали. С трудом я протиснулся вперёд и очутился прямо перед невестой. Конечно, в том возрасте оценить женскую красоту по достоинству я ещё не мог, но помню, что невеста мне

понравилась. Я стоял, как зачарованный, набившаяся в избу публика оттирала меня, но я сопротивлялся. В толчее кто-то наступил мне на ногу, я рванулся, да так энергично, что от ботинка оторвалась подошва... Боже мой, как же мне было жалко испорченного ботинка! Сняв ботинки, я босиком побежал домой.

К моему удивлению, мать не проявив особых эмоций по поводу ботинка, первым делом спросила: "Видел невесту? Хороша ли?" И выслушав мою блестящую характеристику, с изменившимся лицом, с какой-то злостью, бросила ботинки в угол.

Запомнился мне ещё эпизод, который случился летом 1927 года, когда мне было 8 лет.

Была сенокосная пора и всё взрослое население, в том числе и мой отец, были на уборке сена. И вот пришёл к нам председатель сельсовета и стал просить мать, чтобы я на нашей лошади отвёз в райцентр уполномоченного.

- Да ведь Вася дальше Степановки (деревня, находившаяся от нас в 3-х километрах), нигде не был и дорогу в райцентр не знает, он же заблудится, - запротестовала мать.

- А мы сейчас спросим его самого, - ответил председатель и позвал меня:

- Василий, сможешь отвезти уполномоченного в райцентр, ты дорогу знаешь?

Мне бы честно признаться, что не знаю... Но я ответил, что смогу. Уж очень лестно мне было такое доверие председате-

ля. И мать согласилась.

Мы выехали. По дороге я мучительно думал, как бы мне не заблудиться, но надеялся, что уполномоченный подскажет, если заверну не туда. Я оглянулся на уполномоченного и с замиранием сердца увидел, что тот оказывается спит... Не передать словами муки моей детской души! Чтобы разбудить уполномоченного, я погнал лошадь по бездорожью. От тряски он действительно проснулся и схватился за лицо, нащупывая очки. Их нигде не было. Ругаясь, он приказал остановиться, сошёл и велел мне ехать домой, сам побрёл в райцентр пешком. До него оставалось ещё несколько километров.

И я поехал домой, успокаивая себя, что лошадь сама найдёт дорогу... Так и получилось.

А дома творилось невообразимое! Отец, придя с работы и узнав о случившемся, страшно расстроился. Он был уверен, что я заблужусь и ушёл на поиски. Мать, расстроившись ещё больше, винила себя, пока не случился сердечный приступ и потребовалась помощь медиков.

Большое влияние на всех в нашей семье имела старшая сестра матери - Ефросинья Кузьминична, которую мы, её племянники любовно называли "маманя". Она никогда не выходила замуж, до революции вела жизнь в монашестве.

Я любил бывать в её маленьком домике, подаренном ей какими-то дальними родственниками, переселившимися в свой новый дом на хуторе Хитрый луг. Комната её была все-

гда чисто убрана, побелена и обклеена картинками из серии "Жития святых". Я расспрашивал маманю о содержании этих иллюстраций, и она, всегда занятая какими-нибудь делами, находила время, чтобы рассказать мне интересные истории из жизни святых.

Маманя научила меня молитвам. Она сажала меня на стул напротив себя и говорила:

- Ну, повтори, пожалуйста, "Отче наш, иже еси на небесах..." А когда я спрашивал: "А что такое "иже еси" ...", - она пугалась моих вопросов и настойчиво просила не задавать их.

- Просто говори за мною: "Отче наш...", ну?

Вот так она научила меня этой молитве, которую я помню до сих пор.

Смутно вспоминаются её рассказы об Иисусе Христе, о его Нагорной проповеди, по которой должны жить люди. Запомнилось: не убий, не прелюбодействуй, не предавай, не лги, не укради, почитай родителей и старших...

Говоря о Боге и ангелах, о святых, она, казалось, молодела, лицо становилось кротким, а добрые глаза испускали какой-то тёплый свет.

Иногда маманя и мать вместе пели церковные гимны, некоторые строки из которых я помню и сейчас:

Гора Афон, гора святая,
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод.

Но самой колоритной фигурой в тогдашней нашей семье был брат отца Алексей, по прозвищу "потрах". Эта кличка к нему пристала потому, что ругаясь, он вместо слова "мать" говорил "потрах". А может быть, это прозвище он получил за то, что будучи председателем комитета бедноты, решительно "потрошил" кулаков. Я же его называл почему-то "дядяка", видимо по аналогии с "маманей". Был он среднего роста, коротконогий, широкоплечий, с рыжей бородой и оспинками на лице. Причисляя себя к некрасивым, он долго не женился, часто выпивал и с похмелья обычно заходил к нам и требовал от матери квасу с содой.

Я любил дядяку и когда он приходил, всегда вертелся рядом, а он, выпив квас, обычно говорил: "Вася, спел бы ты мне песню". Я не заставлял себя долго упрашивать: "Какую же песню мне спеть?" "Спой мою любимую, про братцев-кубанцев". И я начинал залихватски выводить:

Вспомним, братцы мы кубанцы,

Двадцать первое сентября,

Как сражались мы с поляком

От рассвета до темна.

Как сражались мы с поляком

От рассвета до темна.

С нами музыка играла,

Барабаны крепко бьют...

Пел я эту песню, стоя по стойке смирно перед сидевшим напротив дядякой. В этом звонком пении звучала непод-

дельная глубокая страсть чистой детской души, и сладость, и грустная скорбь... И оно хватало за сердце дядю, я это видел, чувствовал. Однажды, сквозь своё пение, я услышал глухие, сдавленные рыдания. Это плакал дядя, припав грудью к столу, за которым сидел, вспоминая свою кавалерийскую молодость и сегодняшнюю жизнь, неустроенную и никому не нужную, плакал, как дитя, всхлипывая, желая сдержаться, и по железному лицу его медленно катились тяжёлые слёзы.

Я залился ещё звонче, ещё слаще прежнего, а когда закончил, он подошёл ко мне, обнял нежно, поцеловал в макушку три раза и бросился вон из дома. Мне было жалко дядю, настроение испортилось и мать, заметив это попросила меня спеть её любимую песню. У детей настроение меняется быстро и я тут же начал петь:

Ты, моряк, красивый сам собою,

Тебе отроду двадцать лет.

Полюби меня, моряк, душою,

Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам,

Нынче здесь - завтра там,

По морям, морям, морям, морям,

Эх, нынче здесь, а завтра там.

Когда я произносил "Эх, нынче здесь, а завтра там", мать смеялась. Я, мальчишка, пытавшийся изобразить себя таким хватом-моряком, увлекавшим девушек, веселил её все-

гда.

Я тогда знал много лирических, народных песен, а научила меня им тётя Настя, сестра моего отца. Тётя Настя, в моей детской памяти запомнилась красивой, молодой, всегда хорошо одетой, причёсанной просто, но к лицу. В лице не было ничего подчёркнутого: тонкие брови, светлые глаза, прямой нос, маленький рот. Рослая, стройная, всегда непоколебимо спокойная, она хорошо умела петь тёплым, нежным голосом. Разговаривала она всегда медленно, не то равнодушно, не то лениво. У неё и подруги были такие же молодые, простые, симпатичные. Они часто собирались и пели песни в три голоса, а я их с удовольствием слушал и запоминал. Некоторые песни, сегодня забытые, я помню до сих пор, в них живёт душа русской женщины, самой красивой в мире.

Шумел камыш, деревья гнулись,

А ночка тёмная была.

Одна возлюбленная пара

Всю ночь гуляла до утра.

А поутру она вставала,

Кругом примятая трава,

Не от росы она помята,

Не от дождя она легла.

"Придёшь домой, а дома спросят,

С кем ты гуляла, где была.

Скажи: одна в саду гуляла,

Домой дорогу не нашла.

А если дома ругать будут,
Ты приходи опять сюда".
Она пришла - его там нету,
Его не будет никогда.
Она лицо платком закрыла
И горько плакать начала:
"Зачем красу свою сгубила,
Кому я счастье отдала".
Где эти лунные ночи,
Тихо поёт соловей,
Где эти карие ночи,
Кто их ласкает теперь.
Тихой вечерней порою
Выйду я в сад погулять,
Ночка ещё не настала,
Буду я милого ждать.
Слыша шаги дорогие,
Сердце забьётся любя,
Брошусь тебе я навстречу
И поцелую тебя.

Тётя Настя меня любила, как и я её. Когда она выходила замуж, я сидел рядом с ней за свадебным столом наравне со взрослыми, по её желанию. Отдана замуж она была в другое село, Воловчик, в семи километрах от Рогатика и так получилось, что я встретился с ней только после войны, на похоронах матери. Я её не узнал... Это была старая, сморщен-

ная женщина, с серым лицом, костлявая и сгорбленная. Она рассказала мне о своей трагедии. Её муж, по имени Перфилий, сотрудничал с фашистами во время войны, был полицейским. После освобождения, он был арестован и расстрелян. Настя осталась одна с тремя детьми, претерпела много мук...

Надо сказать, что песни в моей биографии играли не последнюю роль. Я знал их много и любил петь, не заставляя себя упрасивать, как и в детстве. Репертуар с возрастом менялся, моими любимыми песнями стали песни, исполняемые Козиным, Джапаридзе, Шульженко, Изабеллой Юрьевой, Утёсовым... Песни помогали, облегчали жизнь.

Я сам не говорю про тайные страдания,
Про муки ревности, про тайную любовь
(Джапаридзе)

Я возвращаю ваш портрет,
Я о любви вас не молю,
В моей душе упрёка нет,
Я вас по-прежнему люблю
(В. Козин)

Ваша записка в несколько строчек,
То, что я прочла в тиши,
Ветка сирени, мятый платочек,
Мир моих надежд, моей души
(К.Шульженко)

Вспоминается забавный случай, происшедший на почве

этих песен. Мой товарищ по пограничной службе, москвич, пригласил меня однажды, когда мы оформлялись в заграникомандировку и находились в Москве - к себе домой, где жила его не родная мать с дочерью. Нам устроили угощение и я, пропустив рюмочку-другую, как всегда начал напевать свои любимые песни. К концу угощения я спел почти весь свой репертуар, мне аплодировали, особенно мамаша.

"Вася,- обратилась она ко мне,- я бы с удовольствием отдала за тебя дочь, я вижу по её глазам, что она влюбилась в тебя". Дочь смущённо молчала, а мамаша затрагивала любовную тему всё больше и уже казалось, что не дочка, а сама мамаша влюбилась в меня. Ситуация напоминала мне гоголевскую комедию "Ревизор"...Наконец, я признался. что женат и имею детей. Ужин моментально закончился и я откланялся.

Вспоминая своё детство не могу не сказать и о соседях. Слева от нас жила крестьянская семья Ревякина Ефима. Я уважал его: он подарил мне щегла. Не раз бывал я в его доме, но с дочками не дружил, а нравился мне его пёс, по кличке Артап. Это был злющий кобель огромной силы, но ко мне он относился доброжелательно и даже разрешал себя погладить, помахиванием хвоста показывая доброе ко мне расположение. Ефим был другом моего отца, но потом отношения разладились, сосед затеял тяжбу из-за огорода и стал врагом.

Справа от нас жила семья Веры Петровны Болотских, нашей дальней родственницы. Это была толстая, белая, как

пшеничный хлеб, очень ленивая баба. Когда бы я не пришёл к ним, всегда заставлял её лежащей на печи. Её муж, Пётр Сергеевич, был родным братом моего деда Давыда Сергеевича. Он был мастеровым человеком, прекрасно делал прялки и научил этому ремеслу сына Михаила, который продолжил ремесло отца, рано ушедшего из жизни от туберкулёза лёгких. С возникновением колхоза, Михаил стал главным механиком. Второй сын, красавец Иван, не пожелал жить в деревенской бедности, уехал на Донбасс, где работал забойщиком в шахте. Он попал в аварию, стал инвалидом, но в деревню так и не вернулся.

Уже будучи вдовой, Вера Петровна прижила ещё двоих детей, люди говорили, что от нашего дядяки. С Федей и Петей, я иногда играл, но не дружил, потому что рассорившись, они дразнили меня евреем. В 1934 году эта семья уехала на Кубань, где к тому времени жил дядяка.

Далее по нашей улице жила семья Ивана Митрофановича Болотских. Иван Митрофанович мне нравился: он был прост и общителен, бескорыстен. Он любил смеяться, при смехе красиво встряхивал волосами, серые глаза его лучились добродушием, в уголках рта играли морщинки. В семье было трое детей, младший - Иван, был моим хорошим товарищем. Он был, как отец, весёлым и добродушным. С началом коллективизации семья эта уехала на Донбасс.

Рядом с усадьбой Ивана Митрофановича находилась усадьба Галкиных. Там жил мой второй товарищ - Игнат, по

прозвищу "салапон". Прямой и честный, он никогда не врал, умел признать свои ошибки, был смел, отважен и в драках защищал товарищей до изнеможения. Несмотря на некоторую необузданность характера, Игнат мне подчинялся беспрекословно, был, можно сказать, моей тенью. Во время войны, первая похоронка в село пришла на Игната. Зная его характер, я не сомневаюсь, что погиб он, как герой.

В этом же районе жила в землянке тётя Аня, подруга моей матери и мамани. Их дружба зиждилась на вере в Христа. Тётя Аня была тихая, мирная женщина. Каждый день, в шесть часов утра, проснувшись и умывшись, в одной рубашке, она становилась на колени перед образами, которых у неё было очень много, и долго молилась. Она часто бывала у нас и каждый раз я просил её рассказать о её путешествии в Иерусалим. Она охотно, даже с некоторым удовольствием соглашалась и прикрыв глаза и раскачиваясь, начинала своё повествование. Как пешком она дошла до Киева, где посетила Киево-печерскую Лавру, как потом на пароходе из Одессы, вместе с другими паломниками, добралась до Палестины. Там, сняв обувь, они километров восемьдесят шли в Иерусалим, к Гробу Господню. Когда я спрашивал её, почему босиком, она отвечала: "Потому что нет святости без подвига, нет счастья без трудности его достижения".

Кроме Вани и Игната у меня был ещё один друг, Греков Иван, а по-деревенски - Ванька-кисель. Жил он на другой улице, за ручьём, недалеко от мамани. Если Ваня был нашим

интеллектуалом, Игнат - защитником, то Ванька-кисель был нашим хитроvanом. Его находчивость часто помогала нам выпутаться из сложных ситуаций. Наша компания была объединена стремлением к справедливости. Например, мы не могли видеть и не допускали тех издевательств, жестокостей, которые позволяли себе многие рогатинские мальчишки, да и ребята повзрослее и даже мужики.

Был у нас в селе блаженный, его звали - Гоша на человека не похожий. Откуда он был, кто его родители, что побудило его избрать странническую жизнь? Никто не знал. Это был высокий костлявый человек, в тяжёлом зипуне, с жёсткими немытыми волосами на голове и с железным, неподвижным лицом. Он ходил по улицам села согнувшись и раскачиваясь из стороны в сторону, всегда смотрел себе пол ноги, будто что-то искал. Нам он внушал какое-то боязливое почтение. Казалось, что он занят каким-то серьёзным делом и мешать ему не надо. Мальчишки, однако, бегали за ним и бросались камнями. Он словно не замечал этого. Потом вдруг останавливался, вскинув голову и начинал оглядываться, будто только что проснулся.

- Куда идёшь, Гоша на человека не похожий,- кричали мальчишки. Тогда он наклонялся, хватал с земли всё, что попадало под руки и бормоча ругательства, замахивался. Иногда бежал за мальчишками, зипун мешал ему. он падал, а они забрасывали его камнями. Наиболее смелые подбегали к нему, высыпали на голову пригоршни пыли и отскакивали.

Нас возмущала эта жестокость. Так же, как и издевательство над нищими или пьяными, истязание кошек и собак. Нередко взрослые мужики стравливали собак или петухов. Однажды я увидел своего любимого Артапа в такой схватке. Когда противник поверг его на землю и вцепился в горло, я с криком "разнимите их", бросился к озверевшим псам, но меня оттащили и с интересом продолжали наблюдать эту страшную, жестокую картину.

Вспоминается и совсем дикий случай, происшедший в доме нашей соседки, Веры Петровны.

Это случилось осенью, когда после уборки урожая с поля, хозяйка пригласила помогавшим ей в вывозе снопов односельчанам, отобедать. На стол была поставлена и бутылка с крепким самогоном. Перепив, эти работники устроили драку, в результате которой, один из них откусил нос другому. С носом во рту он прошёл к дому покалеченного, выплюнул его и сказал: "Ванька-то собирался жениться, а нос-то его, вот он."

Мне и моим друзьям нравилось играть с моими двоюродными сёстрами, дочерьми Дениса Кузьмича, брата моей матери. Семья эта имела крепкое середняцкое хозяйство. Добротный кирпичный дом крытый железом, располагался посреди обширного двора с хозяйственными постройками. Зимой мы играли в карты, нарисованные Ваней, очень красивые, а весной на улице, в основном, в прятки.

Водивший становился лицом к стене, честно закрыв глаза

руками и считал, а остальные разбегались и прятались, кто куда, благо в этом посторном дворе с многочисленными постройками, было где спрятаться. И вот однажды, видя, что уже не успею хорошо спрятаться, я подбежал к колодцу, забросил ноги в пустую бадью и... та глухо постукивая по стенам колодца исчезла, а я полетел вниз. Хорошо, что Игнат, прятавшийся в кустах сада, увидел это.

Он вскочил и заорал: "Вася в колодец упал!" Все сбегались к колодцу и не растерявшись, вытащили меня. Сестра Настя, бледная и трясущаяся, закричала: "Ты что, с ума сошёл? Беги немедленно домой и переоденься!" Убегая, я предупредил всех, чтобы говорили, что я упал в лужу.

Дома мать, увидев меня, всплеснула руками:

- Батюшки! Что с тобой!

- Да в лужу я упал, - соврал я, переоделся, залез на печку и тут же уснул, с перепугу.

Вспоминая своё детство и отрочество, я могу сказать, что деревенская жизнь не была идиллией. Люди жили в непрерывном, каторжном труде. Крестьянский труд требовал напряжённого внимания к земле и много чуткой хитрости в отношениях с людьми. Все чего-то боялись, друг-другу не верили. Мужики мне казались какими-то загадочными, себе на уме, женщины - замордованными. Они часто жаловались на болезни, легко раздражались и неистово ругались друг с другом. Ребята к девушкам относились откровенно цинично. Я помню, как парни двум девушкам завернули юбки на

голову и завязали узлом. Девки визжали, ругались, но развязывались медленнее, чем могли бы. Видел я также, как в церкви парни щипали девок за ягодицы, мне казалось, что только для этого они и ходят в церковь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.